

Шукшин В.
"А поутру они проснулись..."
Б. Шукшин в Москве - Русский
драматический театр
Г. Шукшин - драматург и
художник. Скорняк В.

20 СЕНТ 1978 ЛЕНИНСКИЙ ПРАЗДНИК
Г. ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ

СМЕЯЛИСЬ И ДУМАЛИ...

„А поутру они проснулись...“ В. Шукшина
на сцене Русского драматического театра

В. М. Шукшин свою повесть для театра «А поутру они проснулись...» закончить не успел. Ее сценическую реализацию для московского театра «Современник» создал, используя еще ряд рассказов писателя, Е. Козлов и П. Райхельгауз. Получилась хорошая пьеса с чертами повести и текстом Шукшина и в то же время прозвучавшие, кое-что потерявшие в логике развития характеры.

...Да, с самого начала спектакля мы учимся. С того самого момента, как в крикешной теме раздался полный ужаса крик: «Где? Где?». Вообще на сцене было очень много смешного, и внимание зрителя все время было по-настоящему превосходно выверенного ритма постановки и ее изощренности. Бескомпромиссно комичны были эти любители спиртного с перекинутыми через плечи простынями, похожими то ли на папоротниковые сарафаны, то ли на римские патриции. И еще в их облике скрывалась метафора: глядите, перед вами люди, которых развели, обнажив их «голую суть». И вот как только они начали напряженно думать.

Так образовались ступени постановки и постижения нового спектакля Русского драматического театра. Смешное здесь незаметно переходило в некую грусть, вызывая затаенную тревогу, потому что в самом смешном были зримые и незримые противоречия личной жизни — ее горькие корешки, ее нелепости, ее драматизм. Этот шукшинский взгляд хорошо уловил режиссер А. Паламышев, вместе с художником В. Скорняком в своем исполнении.

Представший перед зрителем самый что ни на есть эротический быт — утро в медитативности — обернулся такими многообразными сценами жизни и человеческими характеристиками, что никакой социолог в них разобраться сразу не смог бы. И становилось понятным, почему это не драма, не комедия, а именно повесть для театра: обычная драматургическая конфликтная ситуация (когда есть лишь две борющиеся стороны) здесь заменена, так сказать, многоконфликтностью самой жизни, и потому внимание зрителя устремляется к человеческим судьбам и к глубинам психологии.

Совсем не случайно среди действующих лиц вскоре появляется Социолог — молодой, энергичный, старательный. Он пришел сюда с амбициозными журналистскими, чтобы систематизировать «мотивы», толкающие человека и вожде. Но он совершенно обезкуражен тем, что систематизировать упрежденное ему не удается. Артист В. Мойковский играет серьезного Социолога, искренне верящего в могущество науки. В действиях его нет ни малейшего комизма, в есть более основательный юмор — несоответствие узкой «наукой» нормативности и бурлящего потока жизни. (Искроветливый поток бытия («Это я есть жизнь») — звучит в одной из реплик Сантелина) может постигнуть лишь зрячий его художник. Вот он — В. М. Шукшин — и выступает здесь незримо, и как Главный Социолог, и как Психолог, и как высший нравственный Судья.

Как нравственный Судья — Шукшин решителен и строг. И это в значительной мере перелает постановку. Периндический потрясающий всех действующих лиц (и зрителей тоже!) звук тяжелого, грохочущего засова ставовитесь еще одной выразительной метафорой: почти все эти люди пали своим же оружием, в своем себе обрели на то, чтобы свистеть за железным засовом. Но прежде всего они сами являются в своих бедствиях в том нелепом положении, в котором оказались, проснувшись поутру. Но пьеса — не плакат, агитирующий за трезвость, и не комические бытовые сцены, осмеивающие «закашей», хотя и то, и другое в постановке есть. Ведь это, вспоминая повесть для театра, а в ней, как в повести,

важно помнить бытового юморизма и сатирического осуждения: в ней есть человеческие судьбы, заставляющие глубоко задуматься.

Сквозь маски-прозвища (Очкарик, Первый, Мрачный, Молчаливый...) встают, прорываясь через нелепые и смешные эпизоды. И мы как бы «обратный», «противный» ход эстетического становления постановки: «разлетелся дохла», представляющие вначале лишь во внешних проявлениях, постепенно приобретали своим человеческим содержанием индивидуальную историю, свои судьбы. Спектакль шел, развивался, именно в этом ключе «внутренней игры», переключения и нарастающим содержанием. Вскоре наше внимание приковывается к образу Мрачного, которого превосходно сыграл артист И. Ф. Дюков.

И. Ф. Дюкову удалось со сдержанной силой передать тяжелую драму человека, но

страдавшего личным Уркам. Очкарик оказывается все-таки сильнее его, потому что он — чище, духовно богаче, человечней. Слова шукшинский угол зрения, снова возвышение духовного над плотским, культуры над грубостью и инстинктом. Потому даже вовсе эпизодическая роль уборщицы Гити Пурмы становится заметной, потому что артистка Л. Жиних умела даже в коротком эпизоде показать исключительную силу личности.

Шукшинский, богатейший содержанием и внутренним драматизмом, театр, как на армянах, подмечает актерами в всю постановку. Потому так широко, уверенно и, как всегда, убедительно играет артист РСФСР и Карельской АССР К. Пилипенко, прекрасно показывающий, что вращающиеся «белых» душ и разбитых судеб иногда становятся... сантехники. И, быть может, потому у них есть лишь одно горь-

существо давно уже вытканного из своего дома близкими, так давно, что он словно сквозь забытый сон вспоминает об этом и говорит в конце — мрачно и искренне — «Почему ты? Да нет причин. Пью... и все. Мне здесь нравится...». Только у человека бесцельного души не дрогнет от этих слов.

И совсем иной — Молчаливый, появляющийся, вернее, активно включившийся в действие, как говорится, «из-за кулис». В исполнении молодого актера В. Родиомильского, этот образ несет в себе важный для всего спектакля Шукшина мотив борьбы, мотыя разного рода драматических последствий — грубости и хамства, которые, к сожалению, еще нередко встречаются в нашей жизни. Комический опрентированный пластик актера стиковится удачным фоном для очень серьезных идей. Только одно в репликах Молчаливого меня удивило: не казался решительным.

Да, на сцене «раздетые донага» пришли как бы эти стили зримого становления: вначале они раскрывали только блеснувшую свою характеристику (Мрачный, Сантелин, Урка и т. д.), а затем словно эти «маленькие» характеристики проступала более богатая и истинная судьба — как природные данные и как утраченная возможность. Это истинное шукшинский подход хорошо понял режиссером и исполнителями. Потому Урка (исполнитель Ю. Н. Заборюцкий) не только лжив, циничен и трусоват, но еще и таит в себе артиста, фаталиста, умеющего мгновенно соизменить «историю», солдату нитру и втиснуть в нее всех, кто оказался рядом. На этом и построена завязка комического действия, когда Очкарик едва не доводит до истерики эти сложные и «примитивные» пьянства. Так получается как бы двойная игра: одна, так сказать, прилюдная, — та, в которую вступают эти люди, даже оказавшись сами в положении безразличия (я это выдвинул далеко не погасив, не испрошенные силы, их все еще живой вкус к жизни); и другая «игра» — это то, что насущается на сцене и что насущает сама сцена и ее участники на глазах Очкарика (этого интеллигента с большим уважением и искренностью играет А. Лукьянов) и как ли

кое лекарство, а в результате — вытрезвитель?

Играющие Первого — артист РСФСР и Карельской АССР Ю. Гришматовский, дитроучного Трактора — А. Таза и Суховаков — артист Г. Ситко — создают характерные для Шукшина образы «чужаков» — людей себе на уме. Они из них «специализируются» на мелочине (все говорит о своих нервах), другой изобретается на месте вредный совет, третий — неостаточно требует от ученых — отправиться на Луну, а не заниматься изучением пьянства. Ю. Гришматовский демонстрирует комическое воодушевление. Г. Ситко же передает своего «чужака» без улыбки, и получается фигура почти жуткая. Это еще один успех артиста.

Но все в спектакле в равной мере удачно. Если официально в целом интересно, содержательно, и вращающееся под потолком загадочные и красочные фигуры символизировать тот разный жизни, к которому тянулись и которого, увы, лишались все эти люди. То истинные эпизоды, заглянувшие в тесные границы опекаторской ямы, многое теряют. Особенно в этих мизансценах проигрывают персонажи с необычайной судьбой — иранец, сбитый с работы пьянщик (артист Г. Гозареп) и по-видимому или комический Профессор (артист И. Румянцев). Колоритные образы Нитевского мужчины и Интересной женщины создали артисты О. Белонучки и И. Таза, но в них бы не повредило, если бы было чуть-чуть больше сценического пространства.

Мне кажется, что есть общий источник у всех этих нелеполок — ощущение детально продуманной цельности в жанровом решении постановки, некоторая жанровая двойственность самой инсценировки, а потому и некоторая «облегченность» спектакля, юморизм его сверх необходимой меры.

И все же вернуться к началу. Сверхилось то самое чувство, что дано только затанцовывая сцена: мы все вместе смеялись и думали. Мы пережили радость объединения и постижения искусства в жизни.

Л. РЕЗНИКОВ.
На снимке: сцена из спектакля.
Фото В. Семенова.